

I

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

II

МЕДВЕДЬ

РИСУНКИ ГЕОРГІЯ НАРБУТЪ

ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ
МОСКВА

ПОСВѦЩАЮ
ЭТИ РИСУНКИ
АЛЕѮАНДРУ
НИКОЛАЕВИЧУ
Б Е Н У А
Г. НАРБУТЪ
Г.
Н.

Журавль и Цапля

или-были Журавль да Цапля, накосили стожокъ сѣнца, поставили середь польца. Не начать ли намъ опять съ конца!“—„Начни“.—„Ты: начни, я: начни. Жили-были Журавль да Цапля,

накосили стожокъ сѣнца, поставили середь польца. Не начать ли намъ опять съ конца?“

правду, жили-были Журавль да Цапля, на одномъ болотѣ, да въ разныхъ концахъ. Наскучило Журавлю холостое житье: „Пойду-ка, — думаетъ, — я къ Цаплѣ, посваталось: чѣмъ не жена будетъ!“ Пошелъ Журавль къ Цаплѣ: тяпъ-ляпъ, тяпъ-ляпъ, семь верстъ болото мѣсилъ. „Здравствуй, Цапля“.—„Здравствуй, Журавль“.— „Иди, Цапля, за меня замужъ“. —„Ишь, чего захотѣлъ! У тебя ноги долгія, платье короткое, плохо летаешь, — жену прокормить не сможешь. Пошелъ прочь, долговязый!“ Обидѣлся Журавль и ушелъ.

Какъ ушелъ онъ, Цапля раздумалась: „Эхъ, не напрасно-ли я Журавля прогнала? Гдѣ ужъ нынче жениховъ очень выбирать! Пойду, скажу, что согласна“. Пришла, стучитъ къ Журавлю въ двери:—„Журавль, а Журавль!“—„Чего тебѣ?“—„Ну, ладно, такъ и быть, пойду за тебя замужъ“.—„Убирайся, откуда пришла!“ Заплакала Цапля со стыда и воротилась домой.

Г.НАРБУТЪ·1906·

Г. НАРБУТЪ · 1909

уравль, какъ остался одинъ, сталъ думать: „Чего я такъ на Цаплю разсердился? Извѣстно, ихъ дѣло дѣвичье, нельзя не поломаться. Да и скучно же одному! Пойду, возьму Цаплю замужъ“ Пришелъ и говоритъ: —„Цапля, я къ тебѣ: иди за меня замужъ“.—„Нѣтъ, Журавль, ты меня осрамилъ. Не пойду за тебя“.—Пошелъ Журавль домой, не солоно хлебавши, а Цапля опять раздумалась: „Зачѣмъ отказала? Что одной-то жить? Лучше пойду за Журавля“. Приходитъ къ Журавлю,—Журавль не хочетъ, прогналъ Цаплю. Прогналъ, да потомъ одумался—идетъ къ Цаплѣ,—опять Цапля не хочетъ.

Такъ-то и по сю пору ходятъ они одинъ къ другому свататься, да никакъ не женятся.

Медвѣдь

Сдѣлали мужики облаву на медвѣдя. Убить медвѣдя не убили, а только отсѣкли ему топоромъ лапу. Самъ же Мишка и на трехъ ногахъ ускакалъ. Вотъ бѣдная старушка выпросила себѣ медвѣжью лапу, остригла съ нея шерсть и содрала кожу. Мясо старуха поставила вариться въ печь, кожу подостлала подъ себя и сѣла прясть медвѣжью шерсть.

Вотъ она пряла, пряла, допряла до полуночи. Какъ вдругъ слышитъ, кто-то подъ

Г. НАРБУТЪ·07·

окномъ рявкаетъ и скрипитъ. Выглянула старуха въ окно и обмерла отъ страху: идетъ медвѣдь на деревяшкѣ, клюкою подпирается, идетъ и реветъ:

„Скирлы, скирлы!
На липовой ногѣ,
На березовой клюкѣ,
На желѣзномъ костылѣ.
И земля-то спитъ,
И вода-то спитъ;
Всѣ по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Мое мясо варитъ,
Мою кожу сушитъ!
Скирлы, скирлы!
На липовой ногѣ,
На березовой клюкѣ,
На желѣзномъ батогѣ!
Скирлы, скирлы!“

ильно испугалась старуха. Жила она одна-одинешенька на самомъ краю села. Кругомъ поле, дальше лѣсъ; сосѣднія избы далеко.

Что тутъ дѣлать? Какъ отъ медвѣдя уйти? А Мишка ужъ на крыльцо взбирается, въ сѣняхъ деревяшкой постукиваетъ, сердито реветъ.

Отперла старуха подполье, задула огонь и залѣзла на печь.

Нащупалъ медвѣдь дверь, сорвалъ съ петель, вломился въ избу, сталъ шарить впотьмахъ, да въ подполье и угодилъ.

Старуха проворно спрыгнула съ печи, захлопнула подполье и побѣжала сосѣдей звать. Пришли сосѣди, кто съ вилами, кто съ топоромъ, а кто и просто съ коломъ и добили медвѣдя.

